

Ахмет Али Айдын. Сходство и различия основных признаков концепта «любовь» в русской и турецкой языковых картинах мира (на материале произведения И.А.Бунина и Я.К.Беятлы). Studia methodologica 2014; (36), 10-13.

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ ОСНОВНЫХ ПРИЗНАКОВ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В РУССКОЙ И ТУРЕЦКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И. А. БУНИНА И Я. К. БЕЯТЛЫ)

Ахмет Али Айдын

кандидат филологических наук, педагог,
учредитель Международной школы «Меридиан» (Украина)

UDC: 81-24

ABSTRACT

The actual problem of modern cultural linguistics is the analysis of main features of various concepts dealing with different world outlooks, in particular with the concept of «love» in the Russian and Turkish languages. The comparative research into this concept's basic features in I. A. Bunin and Y. K. Beyatli's works contributes to the solution of this problem.

Key words: concept, love, feature, representation, core, universalism.

Актуальной проблемой современной лингвокультурологии является исследование признаков тех или иных концептов в разных картинах мира, в частности, - концепта «любовь» в русском и турецком языках. Решению данной проблемы способствует сопоставительный анализ базовых признаков упомянутого концепта в произведениях И. А. Бунина и Я. К. Беятлы.

Ключевые слова: концепт, любовь, признак, репрезентация, ядро, универсальность.

Концепт «любовь», как и любой другой, обладает рядом признаков, выделение которых даёт возможность обнаружить дополнительные отличия в его восприятии носителями русского и турецкого языков. Следует отметить, что определение таких признаков даёт более полное и чёткое представление о месте исследуемого концепта в языковой картине мира русского и, соответственно, турецкого народов, а также способствует взаимопониманию между ними.

Напомним, что С. Г. Воркачёв выделяет три уровня признаков, присущих семантическому составу лексических единиц, передающих понятие любви в языке: «Прежде всего, это **дефиниционные семы**, совокупность которых совпадает с дефиниционной частью полного (но не избыточного) определения и позволяет выделить предмет из класса ему подобных. **Признаки избыточные** (redundant), несущие информацию, превышающую необходимый и достаточный минимум сведений для такого выделения, являются энциклопедическими. И, наконец, ряд семантических признаков занимает промежуточное положение между дефиниционными и энциклопедическими: они представляют собой переформулировку дефиниционных либо логические следствия из них и являются **имплицитными**» [1; с. 189].

Дефиниционные признаки, – констатирует С. Г. Воркачёв, представляют собой семантическое ядро концепта «любовь». Они связаны с ценностью (благом): то есть сам признак «ценность» идентифицирует любовь со сферой аксиологически-оценочных эмоций, признак положительности этой ценности противопоставляет любовь ненависти и безразличию, признаки центральности этой ценности в системе личностных ценностей субъекта, немотивированности выбора объекта и индивидуализированности объекта отделяют любовь от других видов положительного эмоционального отношения. Ближайшие семантические признаки любви связаны с ядерными **имплицитно** – они из них выво-

дятся – и в большинстве случаев представляют собой своего рода реакцию субъекта на центральность ценности объекта: готовность идти на жертвы ради сохранения объекта в своей жизненной сфере, благожелание, забота о нём, ответственность за сохранение любовных отношений, постоянство, преданность – всё то, что создает для человека смысл существования. Все прочие признаки являются *энциклопедическими* и отправляют преимущественно к условиям возникновения и протекания этого чувства: стрессовость, динамизм, алфавитность, ресурсность, «оптический сдвиг», соматика и другие [1; с. 190].

Переходя к сопоставительному анализу признаков концепта «любовь» в русской и «aşık» – в турецкой языковой картине мира, мы считаем целесообразным акцентировать на том, что они характеризуются некой диффузностью, порой усложняющей однозначное отделение одного признака от другого. Таким образом, постулируемую нами диффузность признаков анализируемого концепта следует принимать во внимание в рамках данного исследования.

Одним из характерных признаков концепта «любовь» в творчестве И. А. Бунина выступает её амбивалентность, т. е. отождествление этого светлого чувства с горем, печалью и даже мучением: «*Какое неземное слово любовь, сколько ада и прелести в нём, хоть я и никогда не любила!*» [8]. Упомянутый признак любви можно выделить и в таких строках: «*С матерью связана самая горькая любовь моей жизни. Всё и все, кого любим мы, есть наша мука, - чего стоит один этот вечный страх потери любимого!*» [9]. Как видим, устами своих героев автор манифестирует двоякость любви, её способность как перевозосить, так и угнетать человеческую душу. Примечательно, что амбивалентность любви характерна и для поэзии Я. К. Бятылы: «*Gönülümle oturdum da hüznümlendim o yerde, sen nerdesin, ey sevgili, yaz günleri nerde!*» [19], т. е. «*Мне стало тоскливо и сердцем моим завладела печаль, где же ты, любимая, куда же ушли летние дни!*». Выдающийся турецкий поэт демонстрирует, как любовь, согревавшая сердце долгое время, может обернуться унынием и тоской по минувшим минутам счастья. Любопытно, что в своём стихотворении «Мехлика-султан» Я. К. Бятылы открывает ещё одну грань амбивалентности любви, акцентируя на возможной безответности и бесцельности этого чувства: «*Mehlika Sultan'a aşık yedi genç gece şehrin kapısından çıktı; Mehlika Sultan'a aşık yedi genç kara sevdalı birer aşıkı!*» [17], т. е. «*Семь юношей, влюблённых в Мехлику-султан, на ночь глядя покинули город. Семь юношей, влюблённых в Мехлику-султан, умирали от своей безответной любви.*».

Продолжая анализ так называемых дефиниционных сем концепта «любовь», т. е. его ядра, особое внимание следует обратить на *рациональную немотивированность* этого чувства в русской языковой картине мира: «*Но он и сам не понимал, за что он любил её, хотя чувствовал, что любовь его не только не уменьшается, но всё возрастает вместе с той ревнивой борьбой, которую он вёл с кем-то, с чем-то из-за неё, из-за этой любви, из-за её напрягающей силы всё более возрастающей требовательности*» [11]; «*Откуда взялась моя страстная и бесцельная любовь к ней?*» [9]. Заметим, что в турецкой языковой картине мира подобный признак любви не визуализируется, что свидетельствует о различиях в её понимании двумя народами.

Ещё одним признаком, характерным именно для русского народа, является так называемый «*каритативный блок*», в котором чётко проявляется связь концепта «любовь» с полем «забота»: «*Но я уже замечал, что она мою товарищескую нежность и нашу выдумку говорить на "ты" начинает принимать за любовь*» [5]. Данный пример свидетельствует о тесной взаимосвязи «любви» и «заботы» в русском сознании.

Как русской, так и турецкой языковым картинам мира присущи *миротворческие качества любви* и *признак положительной ценности*, трактующий её как высшее благо и главную награду. Миротворческое начало чётко прослеживается в следующем примере из творчества И. А. Бунина: «*Вот тут-то, небось, и вспомнили, что апостолы-то святые нам наказывали: помните, мол, - великое, несметное множество грехов прикрывает любовь*» [12]. В поэзии Я. К. Бятылы также присутствует мотив пацифизма: «*Aşk, onları sevkettiği günlerde, kaderden rüzgar gibi bir şevk alır, oldukları yerden*» [22], т. е. «*В те дни, когда ими овладевала любовь, будто ветер, они радовались своей судьбе и тому, что имеют.*» С другой стороны, внимание привлекает и тот факт, что в турецкой языковой картине мира «любовь» может иметь и некоторые агрессивные, отнюдь не ми-

ротворческие проявления: «*Bizdik o hücûmun bütün aşkıyle kanatlı*» [18], т. е. «*И мы были окрылены всей любовью, приносимой этим нападением*». Из приведённого примера следует, что «*любовь*» порой обладает воинственными признаками, о чём свидетельствует её появление в контексте нападения.

Говоря о положительной ценности любви, приведём несколько показательных примеров из произведений И. А. Бунина: «*Аленьким цветочком, расцветшим в сказочных садах, была её любовь*» [13]; «*И я был в страшной и сладкой близости твоей, и безгранична моя любовь к тебе, и крепка вера в родимое, отчее лоно твое!*» [7]. В первом примере «*любовь*» крайне метафорична и волшебна, она выступает для автора центром всего мироздания. Во втором отрывке она бесконечна и всепоглощающа. Подчеркнём, что у Я. К. Бятылы это чувство предстаёт окрыляющим, вдохновляющим и открывающим новые возможности, символизируя надежду: «*Sevmiş iki ruh ufku görürler daha engine*» [22], т. е. «*Две любящие души видят дальше горизонта*».

Для обеих языковых картин мира характерно такое проявление амбивалентности любви, как *утрата здравого смысла* под влиянием этого чувства: «*Поняв свою любовь к нему, она в отчаянье кинулась в море, спасена была только случайно, рыбаками...*» [9]. Как видим, героев И. А. Бунина любовь порой толкает на импульсивные и необдуманные поступки. Важно отметить, что в поэзии Я. К. Бятылы этот признак находит более «мягкое» и ненавязчивое отображение, указывая на то, что влюблённым героем движут чары, способные заставить его сделать что-то непривычное, отдаться чувствам: «*Ey aşk! O gönüller sana mal oldular artık! Ey vuslat! O aşıkları efsununa ram et!*» [22], т. е. «*Эй, любовь! Эти сердца отныне отданы тебе! Эй, свидание! Околдуй влюблённых своими чарами!*».

Существенное различие в восприятии любви русским и турецким народами состоит, на наш взгляд, в некой ультимативности этого чувства у последнего, его проявлении с позиции «*либо пан, либо пропал*» / «*третьего не дано*»: «*Ya şevk içinde harab ol, ya aşk içinde gönül*» [20], т. е. «*Гори либо в страсти, либо в любви, сердце моё*». Кроме того, турецкий народ согласен довольствоваться малым, дабы любовь в том или ином виде присутствовала в его жизни, о чём Я. К. Бятылы заявляет в следующих строках: «*Hicran gün ortasında neden böyle seslenir, birden hatırlatır unutan kalbe sevgiyi? Ey sevgi anladım bu uzaktan sadâ ile, ömrün yegâne lezzetidir hâtiran bile*» [15], т. е. «*Отчего же разлука взывает среди бела дня, неужто хочет напомнить о любви сердцу, позабывшему о ней? Эй, любовь, благодаря этому голосу, раздающемуся издали, я понял, что память и есть единственная отрада в жизни*».

Подводя итоги проведённого исследования, мы пришли к выводу о том, что признаки любви в русской и турецкой языковых картинах мира во многом сходны, что говорит об универсальности выражаемого ими чувства: амбивалентность любви характерна как для творчества И. А. Бунина, так и для поэзии Я. К. Бятылы с той только разницей, что у русского литератора она проявляется куда жёстче, вызывая ассоциации этого чувства с адом и нечеловеческими мучениями, а у турецкого поэта она репрезентируется, скорее, в виде безответности и безразличия. Кроме того, русской душе присущ страх потерять любимого / любимую. У обоих авторов выражены миротворческие начала любви, однако, следует подчеркнуть, что в произведениях Я. К. Бятылы это светлое чувство порой приобретает агрессивно-минорное звучание. Помимо этого, и в русской, и в турецкой языковых картинах мира амбивалентность любви проявляется, в частности, в утрате здравого смысла: персонажи И. А. Бунина теряют голову и рискуют жизнью во имя овладевшего ими чувства, а герои Я. К. Бятылы, в свою очередь, просто попадают под влияние раскрепощающих их чар любви.

Отличие признаков концепта «*любовь*» в русской и турецкой языковых картинах мира состоит, прежде всего, в отсутствии в поэзии турецкого автора так называемого «*каритативного блока*», характерного для выражения любви в творчестве И. А. Бунина, а также в крайне слабой интенсивности признака рациональной необоснованности любви у Я. К. Бятылы. Более того, в турецком языке концепт «*любовь*» обладает некоторыми признаками, которые нельзя назвать привычными для русской картины мира: среди них можно отметить, например, ультимативность репрезентации упомянутого концепта в произведениях Я. К. Бятылы, готовность турецкого народа довольствоваться воспоминаниями и переживаниями о былой любви вместо самого чувства и т. д. Впрочем, перечисленные

признаки можно отнести к историческим, характеризующим, скорее, процесс протекания любовного чувства, а не его сущность.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Воркачёв С. Г. Концепт любви в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования 2003: Современная антология. Волгоград: Перемена, 2003. С. 189 – 208.
2. Мансурова О. Ю. Турецко-русский словарь пословиц. – М.: Восток – Запад, 2007. – 94 с.
3. Пыжик С. В. Концепт «любовь / love» в русской и английской языковой картине мира [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/apif/2009_4/pizhik.pdf.
4. Соловьёва Т. В. Концепт «любовь» как отражение индивидуального образа мира (на материале творчества Константина Скворцова) [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: <http://www.lib.csu.ru/vch/124/018.pdf>.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1. Бунин И. А. Без роду-племени [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1130.shtml.
2. Бунин И. А. Братья [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1720.shtml.
3. Бунин И. А. Воды [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2300.shtml.
4. Бунин И. А. Дело корнета Елагина [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/.
5. Бунин И. А. Жизнь Арсеньева [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/.
6. Бунин И. А. Игнат [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2622.shtml.
7. Бунин И. А. Митина любовь [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2230.shtml.
8. Бунин И. А. Святые [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1700.shtml.
9. Бунин И. А. Суходол [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1390.shtml.
10. Beyatlı Y. K. Erenköy'nde bahar [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: <http://siir.ozgurask.com/siir.asp?id=3965>.
11. Beyatlı Y. K. Hatırlatan [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: <http://www.e-sehir.com/siirler/siir437.html#.UpGRk1fxvIU>.
12. Beyatlı Y. K. Kar musikileri [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: <http://www.siirvadi.com/siir/9583.htm>.
13. Beyatlı Y. K. Mehlika Sultan [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: http://www.siir.gen.tr/siir/y/yahya_kemal_beyatli/mehlika_sultan.htm.
14. Beyatlı Y. K. Moğaç türküsü [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: http://www.siir.gen.tr/siir/y/yahya_kemal_beyatli/mogac_turkusu.htm.
15. Beyatlı Y. K. Özleyen [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: <http://www.e-sehir.com/siirler/siir437.html#.UpGRk1fxvIU>.
16. Beyatlı Y. K. Rindelerin akşamı [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: <http://www.e-sehir.com/siirler/siir437.html#.UpGRk1fxvIU>.
17. Beyatlı Y. K. Sessiz gemi [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: <http://sendeyim.com/siirler/yahya-kemal-beyatli/sessiz-gemi-siiri>.
18. Beyatlı Y. K. Vuslat [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: <http://sendeyim.com/siirler/yahya-kemal-beyatli/sessiz-gemi-siiri>.